

18+

ФЕДОР МЕТЛИЦКИЙ

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ МИР

ПОВЕСТЬ

Федор Федорович Метлицкий

Подозрительный мир. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73037953

ISBN 9785006889408

Аннотация

Инопланетянин оказался на Восточном полушарии планеты Земля. Он излучал такое дружелюбие, какое могло исходить лишь от глубоко одинокого существа. Он рассказал, что впервые появился на Западном полушарии, но там ему не понравилось: «Там каждый сам за себя, а не за родину всех». Его встретили дружелюбно. Новые друзья узнали, что он с экзопланеты, в которой никогда не было вражды, и жители живут в роботизированном мире, как дети в люльке. Внезапно пронесся слух, что он иностранный агент.

Содержание

Подозрительный мир	5
1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Подозрительный мир

Повесть

Федор Метлицкий

© Федор Метлицкий, 2025

ISBN 978-5-0068-8940-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подозрительный мир

Повесть

Инопланетянин прибыл на Восточное полушарие планеты Земля. Он излучал такое дружелюбие, словно спасался из глубокого одиночества.

Он рассказал, что впервые появился на Западном полушарии планеты, но там ему не понравилось: «Там каждый сам за себя, а не за родину всех».

Его встретили дружелюбно. Он вступил в Общество интеллектуалов (название «интеллигенция» после гибридной войны и «обнуления» прошлой жизни исчезло). Новые друзья узнали, что он из планеты, в которой никогда не было вражды, и жители живут в роботизированном мире, как дети в люльке.

Внезапно возник слух, что он иностранный агент. Никто не верит в его предательство, но вековые сомнения оставались.

1

Прохожие воззрились на него, как на пришельца из космоса, что и соответствовало истине. Незнакомец выглядел необычно: роста крупнее, чем обычный человек, одет в сияющую одежду из одного куска полотна, вроде древнегреческого хитона.

– Как вас зовут? – спросил один.

– Эльен. Так меня называли в Западном полушарии.

– А что же отсюда сбежал?

– Там живут бесцельно.

– Как это?

– Там предпочитают борьбу за свое выживание, а не стремление к родине всех.

Его не поняли. А он подумал: здесь, на Востоке, разумные существа похожи на мир другой, западной стороны. Но они кажутся более терпеливыми и доверчивыми, словно их православие, более мягкое и домашнее в сумрачной христианской вере, создало поколения светлыми и послушными, как дети, послушные отцу.

Они оказались приветливы к незнакомцу. Настораживало только, что он с Запада: как это он попал на восточное полушарие? Не агент ли?

Вроде бы он ничем особенным не отличался от них, но не могли уловить характерное в его чертах. Увидели

лишь неясное одухотворенное лицо, обостренное зрение, слух и обоняние, – какое-то сплошное чувствилище души, наивное и светящееся радостью и отзывчивостью, как у ребенка. В нем не было предостерегающей настороженности, и почему-то к нему влекло неотразимо.

Он и сам не знал себя – парил где-то в ином пространстве.

Почему-то его хотелось пожалеть. Было видно, что он одинок. Страшно одинок, как брошенный в космосе. Но что это за место в космосе? Откуда он?

– Может быть, я типичный образец всего, что живо во вселенной, – отшутился он. – А кто вы?

– А мы устроители жизни на Земле...

—

Было поздно, один из встретивших пришельца, профессор Ларин, не смог оставить его одного на улице, пригласил к себе домой, пожить, пока сам не поймет, зачем он здесь.

Квартира профессора была обычной, трехкомнатной в типовом доме-«хрущевке». Пришельца поместили в гостиной на диване. Встретила обычного вида жена, с растрепанными на ночь волосами, через изможденность лица видна былая античная красота.

Когда она ушла на кухню, профессор улыбнулся.

– У нас молчаливое взаимопонимание.

Он не мог без ее чуткости и заботы. Когда, как он рассказывал, по утрам выкладывал еще свежие носки, без ко-

торых не мог спать, на полочку у окна, выравнивая их квадратиком – это был намек жене, сознательный и продуманный, чтобы она преждевременно сердито не швыряла их для стирки.

...Утром Эльен почувствовал, как впервые, тяжесть своей руки, соскользнувшей с дивана на коврик пола, и мгновенно проснувшись, снова ощутил непривычную тяжесть земного тяготения, какого не ощущал там, где родился. Разницы чуть-чуть, но телу неудобно.

Когда впервые появился на этой планете, все тело оказалось чувствительным к земной тяжести, это было необыкновенно. Он – откуда-то из гармоничного будущего, где живое существо не чувствует тяжести, полностью самоконтролируемо, даже постоянно тренируется, чтобы не облениться. Там он никогда не болел, благодаря новейшим технологиям в медицине, достигшим такого уровня, что искусственный интеллект прогнозировал неблагоприятные воздействия среды на граждан, подстраивал действие медтехники, лекарств, таблеток под каждого испытуемого, предупреждая болезни. И все члены тела постоянно гибкие и лучатся энергией.

Здесь же, на затерянной на окраине космоса планете, каждый вынужден больше полагаться на себя, принимает унифицированную для всех общую таблетку от одного вида болезни, и только персональный анализ в клинике помогает уточнить диагноз. Когда не помогает лекарство, пережива-

ет только в себе и в семье свои боли и страдания. Помнит об этом государство, но как-то снаружи, леча в больницах или денежными вспомоществованиями, потом самоустраняется, не имея времени постоянно внимать молящим лицам. Как оно может еще помочь, облегчить боли, душевные муки, которые давят с возрастом? Зато контролирует постоянно – шаг влево, шаг вправо сразу замечается.

По привычке Эльен стал делать физические упражнения, что делал всю жизнь. Упражнения делились на две части: «лежачие» и «небесные». Лежа раскачивал тяжелый таз, вертя в разные стороны эту чашу греха, преодолевая давление вниз земного тяготения. Во второй части, небесной, стоя вытягивал руки с торсом вверх и раскачивал мыслящим шаром головы небосвод – ой! Не разбей звезды, украшенные елочные игрушки и блестки! Или упражнение «птенчик»: силился задрать в небо голову, вздымая пальцами подбородок, чтобы взлететь взмахами локтей – еще не окрепших крыльев. Почему кажется, что небо – это что-то неизмеримо огромное, высшее, божественное? Может быть, там просто бесконечная пустота.

Какой механизм эмпатии живой природы заложен в этом упражнении? Атавизм признаков древних летающих ящеров? Там глубины смысла бездонны!

Эльен резко встал и ойкнул, тело словно приросло к полу. Не хотелось ступать – слишком сильное тяготение Земли. Бодрости после физической зарядки не почувствовал.

К нему вбежал любимый песик профессора, боль забылась. Бросился на колени и стал облизывать лицо, что сладко смешило и мешало. Отвел узкую мордочку широкой ладонью и стал гладить черную невинную шерстку. С появлением Эльена в этой квартире песик сразу привязался к нему, и не отходил ни на шаг.

Это было чудо. В мире Эльена не было похожих животных. Там были другие, бегающие на кривых ножках наподобие роботов – в незапамятные времена живущие рядом со создания, технологически трансформированные для взаимной любви и преданности.

...К нему зашел профессор, тихий и деликатный. Погладил пса, тоже прыгнувшего к нему на колени, и улыбнулся.

– Небось, у вас в космосе решены проблемы со здоровьем живого существа?

Пришелец в тон пошутил:

– А у вас, с разумом и человечностью, разве не направлены все силы на здоровье? Весь эфир жужжит о лекарствах от детских пролежней до облегчения умирания стариков в хосписах. На фоне громыхания дальнобойных орудий, разваливающих тело человечества.

– Нет, – опять улыбнулся профессор. – Наш мир изменился.

– Природа живого не меняется. Как и природа вообще. Она всегда во взаимном приятии. Только ее можно разру-

ШИТЬ.

2

Он лежал в дружественной постели и вспоминал недавнее. Как впервые ступил на твердую почву обитаемой планеты, затерянной где-то в дальних закоулках Галактики. Ступил, как Гулливер – там на почве шевелилось что-то живое.

Незнакомая планета (это было западное полушарие Земли, как потом выяснил) показалась ему роскошной: по гладкой серой дороге сновали, как насекомые, разноцветные бегающие коробки, по бокам клубились рощи странной растительности, необычно зеленые шапки деревьев, непохожие на синюю природу его родины; деревья стояли неподвижно каждое на одной ноге, в зеленой шапке липкие листочки с детской радостью болтали между собой. К перемене условий – холоду шапки, наверно, делаются рыжими, и опадают, вынуждая стволы и голые пики веток зябнуть в стуже до поры тепла.

Расслабленные старушки гуляли с неизвестными ему животными, ужасно смешными, лезущими «на ручки», говоря языком его нового друга. Похожи на тех, что Эльен ласкал у себя на родине. Но здесь все животные «приручены», до того были хищниками, бродили в лесах дикие и голодные, рвавшие затравленное живое мясо острыми клыками. А у него дома животные не одомашнены, и никогда не были хищниками, охочими до живого мяса, а всегда живут еди-

ной семьей с разумными существами, дающими любовь, уют и пищу.

Видно, таковы обитатели всего живого в космосе. Он удивлялся очередному нелепому чуду, и было легче. Помнил, откуда он, и все напоминало родину, образами памяти и болью сердца.

На дороге были видны отроги поднимающихся в небо строений, в которых, наверно, ютились скопища вместе собравшихся мыслящих существ.

Вначале впечатление было грандиозным – забитые человечками небоскребы, высоко узкое небо между них, мосты, сторбленно уходящие за горизонт, и вокруг скрежещет жизнью полный жара гремящий джаз.

Он встречал существа невысокого роста, говорящие на языке, который он понимал. Один – бесстрастный, в одежде в несколько слоев, с небритым лицом, неподвижными, словно выкованными чертами и выдвинутой вперед волевой челюстью. Безразличный к необычной одежде незнакомца, выкроенной из одного светящегося полотна, – видно, здесь повидали всего. Пришелец был крупнее, как его соплеменники, откуда он прибыл, такие же моложавые и чистые. А эти мелкие с решительными лицами, как будто ждут отпора, с упрямством одиночек в сторожащих взглядах.

– Как тебя зовут?

– Не знаю, – удивился незнакомец, что говорит, и что слы-

шит понятную речь. – Я из другого мира.

Тот ослабился, обнажив заросший небритостью рот.

– Значит, чужой? Alien?

Осмотрел со всех сторон.

– Индеец? Мормон? Мигрант?

– Может, ты коммунист? Трудно же тебе здесь придется!

И повел его, как сказал, в «Big City».

Это скопище громадных сооружений, как будто занимавшее половину всей планеты.

– Небоскребы, – сказал небритый с неподвижным лицом.

Улицы – глубокие ущелья среди уходящих в небо «небоскребов» – скопища квартирок, перенаселенных из нужды, или это что-то заносчивое в строительстве? Что-то мешающее видеть мир. А небо – узкая полоска синевы, видна если только запрокинуть голову.

На его родине сооружения скромнее, там главное – удобство и гармония со свободно уходящим пространством. Всю энергию получают от своего светила, с огромной центральной вышки-конденсатора. От этой энергии – вся роботизированная жизнь планеты: машины, в том числе доведенные до оживших, автоматы, управляемые искусственным интеллектом, самонаводящиеся системы, могущие летать в космосе куда угодно.

– Здесь каждый сам по себе, – сквозь зубы процедил небритый. И сдал незнакомца в полицейский участок как по-

дозрительного типа...

Эльена, в качестве завербованного агента (так и не понял, следить ли за восточным полушарием Земли или иными планетами) пока поселили в старом отеле на Манхэттене. Правда, что это такое «агент» и за кем следить, он так и не понял, но, видно, его побуждали познавать этот мир. И он был благодарен: так хотел вникнуть в намерения этой поросли живых существ!

Номер отеля на шестом этаже, где его готовили к переброске, был старым, пол с пыльным серым покрытием, спальня с широкой двойной кроватью.

Туалет и ванную посетил поочередно. В его прежней жизни, в его обиталище со стенами-окнами, вмещающее бесконечный простор, удобства были «совмещенные», то есть, он заходил в одно облачное место, а там было все – опорожняло унитаз, подтирало, брило, чистило зубы, мыло все тело и протирало, натирало кремами и выталкивало – завтракать воздушной едой, с последующим приятно здоровым ощущением в желудке.

Позавтракал в маленькой кухоньке. Какой-то безвкусный сэндвич и невкусный кофе.

Эльен отправился гулять по Бродвею. Какие-то люди, юркие чернокожие, совали ему рекламки, где были фото лежа-

щих на боку дам, приподымающихся на локте и поднимающих к небу длинные ноги, обнажая голое бритое лоно. То были приглашения в публичные дома. Очень странное предпочтение физического наслаждения перед духовным!

В своем отеле он пристрастился смотреть на экране телевизора новости и фильмы, и поражался невиданным зрелищем, удивительным словам.

...Госдеп выпустил заявление о правах человека – теперь хотят переименовать в «Права личности».

...Политическая победа Президента на Ближнем Востоке – выиграл голосование в Сенате: АЯКСы будут поставлены саудовцам. Сближение с арабами, что «не в пользу русских». Возрождение антикоммунизма в США.

...Умирает девочка – нужно трансплантировать новую печень. Объявлена покупка органов. Записались продать свою печень многие.

...Фото в New York Times. На свалке ищут тела родных.

...Готовятся запустить в космос «Шаттл».

...Каждый месяц в Сальвадоре убивают по 700 гражданских (якобы правые и левые). Фидель Кастро разослал письма в редакции, что он непричастен к убийствам. Администрация США все равно «гневно осудила». Обсуждают вторжение в Сальвадор, ибо «stalemate» – безвыходное положение, когда можно решить только военным путем. И – блокаду Кубы и Никарагуа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.